

К дискуссии о соотношении «субъективного» и «объективного» в биографическом нарративе

1

Накопленный Б. Докторовым¹ и некоторыми другими исследователями опыт сбора и обобщения биографических интервью, взятых у коллег-социологов разных поколений, дал повод для дискуссии о мере объективности (достоверности) отображения жизненного пути и профессиональной карьеры, а также интеллектуальной биографии - в таких субъективных документах личности и времени, биографии и истории, как биографические нарративы. В частности, высказывались едва ли не полярные точки зрения на этот счет в дискуссии «Биография и биокритика» развернувшейся на форуме «Биографика, социология и история», в рамках российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива».²

Особенно ярким критиком «субъективизма» биографического метода выступил старейший российско-американский социолог В. Шляпентох.³ Одним из поводов для критики послужило сомнительное, с точки зрения В.Ш., воспоминание о жизненном эпизоде полувековой давности, вошедшее в состав биографического интервью одного из коллег.

Здесь не стану углубляться в перипетии этой дискуссии, имевшей много методологических и этических поворотов и ответвлений.⁴ А выскажу несколько общих соображений, существенных, как мне кажется, для понимания соотношения «субъективного» и «объективного» в биографике.

2

Биография человека не сводится к последовательности личных и/или общественно значимых событий, она есть также многолетнее движение мысли, чувства, воли – внутреннего мира человека (недаром говорят: интеллектуальная, творческая и т.д. биография).

Расширим этот взгляд, отнеся его к социальной реальности в целом.

А. Социальная реальность (хоть в статике, хоть в динамике взятая, хоть вообще, хоть в отдельных ее сферах) включает в себя как «бытие», так и «сознание» (соответственно – общественное, коллективное и даже индивидуальное), а также все многообразие связей между ними. Т. е. сознание не менее реально, чем бытие.

Б. Как объективная, так и субъективная стороны социальной реальности (исторического процесса) могут фиксироваться и «твердыми», и «мягкими» фактами, строго и нестрого организованными наблюдениями, официальными и личными документами, качественными и количественными методами. Не существует предпочтительных способов узнать, как все было «на самом деле».

В. «Не доверять» надо в равной мере как «субъективным» свидетельствам частных лиц (ретроспективные еще менее надежны, чем созданные «по горячим следам»), так и «объективным» (скрепленным всевозможными печатями) документам. Ибо авторы

последних – тоже люди, к тому же особо зависимые от институциональных установлений и «господствующих мыслей эпохи». Так, например, наивно полагать, что сухое фактографическое описание исключает тенденциозность, равно как и неправда, что в экспрессивных мемуарных заметках отсутствует объективное содержание.

Г. Всякое исследование социальной реальности, каким бы арсеналом методов оно ни пользовалось, есть процесс относительно односторонний и принципиально не завершённый. Если исследователь сосредоточен преимущественно на фактах социального поведения, это вовсе не означает, что – хотя бы впоследствии и не им самим – это не будет дополнено фактами сознания (о которых, впрочем, приходится судить либо по вербальному поведению, либо по реконструкциям мотивов и т. п. из установленных «объективных» фактов). И наоборот.

Д. «Истинная» история (хоть общества, хоть индивида) неизбежно есть продукт множества последующих интерпретаций, о качестве которых мы судим по мощности информационной базы, соблюдению профессиональных норм, логичности и внутренней непротиворечивости рассуждений. Что касается истории личности, т. е. биографии, то, как тонко заметил (в частном письме) И. С. Кон: «Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект».⁵

Е. Спор на тему: среда определяет сознание или сознание творит мир (вариация основного вопроса философии), – мало перспективен, именно как спор, но не как диалог, предполагающий взаимообогащение его участников новыми знаниями и аргументами. Не ИЛИ, а И (то и другое...) приближает к пониманию реального устройства, в частности, «социальной вселенной».

Ж. Что касается биографических исследований, то двумя ключевыми и равноправными вопросами здесь, на наш взгляд, оказываются: «что обстоятельства делают (могут сделать) с человеком» и «что человек делает (может сделать) с обстоятельствами». Это есть некий двуединый процесс, который может исследоваться комплексно, а может – и по частям, в перспективе позднейшего синтеза.

3

Теоретико-методологические тексты Б. Докторова, Д. Шалина, В. Шляпентоха, О. Маховской, Э. Беляева, Б. Фирсова, А. Готлиб и др. членов «незримого колледжа» имеют отношение вовсе не только к истории российской социологии, будь то с «человеческим» или «нечеловеческим» лицом, или к биографическому методу, в любых его формах. Это мое первое утверждение.

И второе: особенно последняя полемика Анны Готлиб и Владимира Шляпентоха⁶ демонстрирует, на мой взгляд, наше разнообразие в единстве и единство в разнообразии. Хочется оппортунистически согласиться с обоими полемистами, поскольку у каждого – свое «рациональное зерно».

С точки зрения сказанного, я удерживаюсь от того, чтобы солидаризоваться с В. Шляпентохом или А. Готлиб, полагая обоих если не правыми, то ВПРАВЕ акцентировать либо «объективную», либо «субъективную» сторону социальной реальности и, соответственно, социального знания (в том числе, в сфере биографики и истории науки). И оба делают это весьма убедительно. Возражать стоило бы только против абсолютизации той или иной точки зрения. Однако поводов для такого упрека эти авторы в указанных двух текстах вроде не дают.

Замечу еще, что В. Шляпентох, на мой взгляд, напрасно отдает марксизму монополию на тезис о зависимости сознания от среды, приписывая феноменологии и / или постмодернизму исключительно противоположные взгляды. И марксизм вовсе не так уж материалистичен и детерминистичен, и постмодернизм не так уж субъективен и идеалистичен.

Влияние внешних и внутренних обстоятельств, культурного, идеологического, а иногда и просто личностного контекста на создание всякого данного биографического текста (дискурса) обычно очень велико.

Отсюда возникает сомнение в достоверности всякой биографии, особенно если основным ее источником оказывается собственный рассказ биографанта – биографический нарратив. У критиков биографического метода складывается убеждение, что автобиографическое повествование «насквозь субъективно». При этом предполагается, что только безусловно установленные и многосторонне подтвержденные факты должны составлять корпус биографии.

Разумеется, автор настоящего доклада вовсе не против поиска объективной истины и / или адекватной исторической реконструкции. Однако это дело профессионального исследователя, использующего ради этого и не только биографический метод (в частности, в социологии прижился термин «методологическая триангуляция»).

Что касается средств контроля «на истинность» отдельно взятого биографического текста, то существенным здесь могут оказаться стилевые характеристики и внутренняя непротиворечивость самоописания и ауторефлексии рассказчика.

Заметим, что при всей субъективности таких автобиографических произведений, как «Жизнь – сапожок непарный» (Тамара Петкевич), «Подстрочник» (Лиляна Лунгина), «Корни и сучья» (Анатолий Солипатров), «Диск» (Анри Кетегат), «Дальний архив» (Эрлена Лурье) вряд ли даже самому придирчивому читателю придет в голову усомниться в их биографической и исторической достоверности.

И последнее замечание. Создатель биографического нарратива есть главное действующее лицо и – пока здравствует – «хозяин» собственной биографии (имея в виду именно реконструкцию своего жизненного пути, а не сам жизненный путь, что есть отдельная тема).

Автор настоящего доклада отстаивает ту точку зрения, что всякое автобиографическое повествование имеет право на намеренную субъективность (не говоря уж о субъективности ненамеренной), на предъявление человеком событий собственной жизни, а также их освещение и истолкование такими, какими он их видит и / или хотел бы видеть и трактовать. Биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей. Всякий «рассказ о жизни» есть автопортрет героя (он же - рассказчик), каким он был и, вместе с тем, каким является ныне, есть взгляд в прошлое «из сегодня», сквозь призму всего жизненного и исторического опыта субъекта. Любая информация в биографическом нарративе есть жизненное свидетельство, а не свидетельское показание.

Подводя итог, постулируем следующие положения применительно к биографическим исследованиям:

- а) субъективность есть имманентное свойство личности;
- б) субъективность не есть альтернатива достоверности автобиографического повествования;
- в) автор биографического нарратива имеет право на намеренную субъективность.

Апрель 2012

¹ См.: Докторов Б. З. Современная российская социология. Историко-биографические поиски [электронный ресурс]. В 3-х тт. М.: ЦСПиМ, 2012. 1 CD ROM (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=237>); Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. Второе издание. М.: ЦСПиМ, 2012 (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>).

² См.: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. См. там в рубрике «Comments and Dialogues» Invisible College: IBI Forum [1](#), [2.1](#), [2.2](#), [2.3](#), [2.4](#), [2.5](#).

³ См.: Шляпентох В. Э. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам? (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html).

⁴ См.: Шалин Д. Н. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексева и Дмитрия Шалина (http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html); Беляев Э. Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина (http://cdclv.unlv.edu/ega/articles/beliaev_interview_11.html); Шалин Д. Н. О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html); Шляпентох В. Э. Наши разногласия (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.html); Докторов Б. З. Нет истины, где нет любви (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.html); Алексеев А. Н. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf); Фирсов Б. М. История социологии «в лицах»: Биография и/или биокритика (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf); Готлиб А. Мой ответ В. Шляпентоху, или можно ли написать историю социологии «с человеческим лицом» (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gotlib_shlap_11.html); Шляпентох В. Э. От одной крайности к другой: раньше у марксистов среда определяла сознание, теперь у российских постмодернистов все наоборот – сознание определяет мир (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shliap_gotlib_11.html).

См. также материалы указанной дискуссии в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, №№ 3, 4, 5, 6; 2012, № 1.

⁵ Письмо И. С. Кона датировано 16.12.2009.

Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. В 4-х томах. СПб.: Норма, 2010. (Электронная версия - <http://narod.ru/disk/1666422001/AA%20%26%20RL%20PROF-SOC%20Vol%201-4%20Optim.rar.html>). См.: Том 2, с. 495.

⁶ Готлиб А. С. Качественная методология, исторический нарратив или можно ли написать историю социологии «с человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2012, № 1 (Электронная версия - (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gotlib_shlap_11.html)); Шляпентох В. Э. От одной крайности к другой: раньше у марксистов среда определяла сознание, теперь у российских постмодернистов все наоборот – сознание определяет мир (http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shliap_gotlib_11.html).